

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

История международных отношений и внешней политики России: вступительный экзамен в аспирантуру — пробный вопрос

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 66 вопросов перечня кафедры международных отношений и внешней политики России (МОиВП) для испытания «вступительное испытание в аспирантуру».

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики», кафедра международных отношений и внешней политики России (МОиВП)

ПРОГРАММА

вступительное испытание в аспирантуру

Демо-пособие · 2026

Независимое издание. Подготовлено «Exambooster» самостоятельно, не является официальным изданием МГИМО МИД России, не одобрено и не согласовано университетом. Названия вуза и образовательных программ приведены исключительно для указания предмета подготовки.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
— ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ИСПЫТАНИЕ · ВОПРОС R39 · ДЕМО

Ответы России на меняющийся спектр угроз национальной безопасности в XXI в. (по Стратегиям и Военным доктринам)

■ Оговорка

- «Военной доктрины 2023 г.» не существует: с 25.12.2014 целиком не переиздавалась, действует та редакция (Кремль, ТАСС);
- вместо неё — Концепция внешней политики (Указ №229, 31.03.2023) и Основы ядерного сдерживания (Указ №991, 19.11.2024).

■ Военные доктрины: эволюция

- 2000 г. — расширение НАТО, базы у границ; в 1993 г. из доктрины убрали отказ применять ЯО первыми;
- 2010 г. смягчила риторику («стратегическая стабильность» вместо «неприемлемого ущерба»);
- 2014 г. (после Крыма) — НАТО с «глобальными функциями» на 1-м месте угроз, впервые «ядерное и неядерное сдерживание».

■ Стратегии нацбезопасности

- 2009 г. (Указ №537) — язык партнёрства, понятие «стратегического сдерживания»;
- 2015 г. (Указ №683) — впервые прямо названа «политика сдерживания России» со стороны США;
- 2021 г. (Указ №400, действует) — 9 приоритетов, новый пункт «традиционные ценности», «Россию называют военным противником».

■ Информационное направление

- 2013 г. — Основы политики в области МИБ, Указ №31с о СОПКА; доктрина-2014 фиксирует смещение угроз в инфопространство;
- 2016 г. — новая Доктрина информбезопасности; 2018 г. — резолюция ГА ООН, внесённая Россией, набрала больше голосов, чем американская;
- Концепция-2023 — противодействие милитаризации инфопространства «недружественными государствами».

■ Экономика и ответ 2022-2026 гг.

- проверки: нефть 2008/2014/2020 гг., санкции с 2014 г., угроза SWIFT, заморозка резервов;
- Финляндия — в НАТО 04.04.2023, Швеция — 07.03.2024; в ответ 26.02.2024 воссозданы Ленинградский и Московский военные округа;
- Указ №991 (2024) сменил Указ №355 (2020): условий применения ЯО стало 5 вместо 4, защита распространена на Белоруссию;
- оценки расходятся: Арбатов — уточнение концепций, Бужинский (ПИР-Центр) и западные аналитики — снижение ядерного порога.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Введение

С начала 2000-х годов Россия фиксирует своё понимание угроз национальной безопасности и меры ответа на них в двух линиях документов стратегического планирования: Стратегиях (до 2009 г. — Концепциях) национальной безопасности — рамочных актах о целях, интересах и приоритетах государства во всех сферах — и Военных доктринах, детализирующих военные опасности, военные угрозы и задачи Вооружённых сил. Формулировка билета называет третьей вехой «Военную доктрину 2023 года» — такого документа не существует: Военная доктрина России не переиздавалась полностью с 25 декабря 2014 г. (утверждена президентом), и по состоянию на 31 августа 2026 г. продолжает действовать именно эта редакция. Это подтверждают официальные источники — сайт Кремля, «Российская газета» и ТАСС. Реальными документами 2023-2024 гг., актуализировавшими российскую политику в области безопасности, стали Концепция внешней политики (указ президента №229 от 31 марта 2023 г.) и Основы государственной политики в области ядерного сдерживания (указ №991 от 19 ноября 2024 г.). Ниже спектр угроз и ответы на них разбираются по трём направлениям — военному, информационному и экономико-энергетическому, — поскольку именно так их группируют сами документы, начиная со Стратегии 2009 г.

■ Военные угрозы: от партнёрства к прямой конфронтации

Военная доктрина 2000 г. (утверждена президентом В.В. Путиным 21 апреля 2000 г.) перечисляла угрозы в духе перехода от блокового противостояния холодной войны к многополярному миру: расширение НАТО на восток,

появление иностранных военных баз вблизи границ, ослабление интеграции в СНГ. Уже в 1993 г., по данным историка А.В. Фененко, из Основных положений военной доктрины было исключено обязательство СССР не применять ядерное оружие первым — первый шаг в цепочке пересмотра условий его применения, продолжившейся до 2024 г. Доктрина 2010 г. смягчила риторику: из текста исчезли термины «неприемлемый ущерб» и «гарантированное уничтожение», характерные для редакции 2000 г., а акцент сместился на «поддержание стратегической стабильности... на достаточном уровне». Одновременно был утверждён закрытый документ «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания до 2020 года» — практика разделения открытой доктрины и закрытого детального акта, продолженная в 2020 и 2024 гг.

Присоединение Крыма к России в марте 2014 г. и конфликт на востоке Украины стали рубежом, после которого риторика документов перестала быть партнёрской. Военная доктрина, утверждённая 25 декабря 2014 г., впервые официально назвала «наращивание силового потенциала» НАТО и «наделение её глобальными функциями... в нарушение норм международного права» первой по значимости внешней военной опасностью. В перечень из четырнадцати внешних военных опасностей вошли также развёртывание систем стратегической ПРО и концепция «глобального удара» США, размещение оружия в космосе, установление у российских границ режимов «в результате свержения легитимных органов государственной власти» (реакция на смену власти на Украине в феврале 2014 г.) и использование ИКТ в военно-политических целях. В доктрину впервые вошло понятие «стратегическое (ядерное и неядерное) сдерживание» — признание того, что высокоточное оружие и системы ПВО/ПРО стали частью единого контура сдерживания наравне с ядерными силами. Формула применения ядерного оружия при этом оставалась неизменной с 2000 г.: право на ответный удар в случае применения против России или её союзников оружия массового поражения либо агрессии обычным оружием, ставящей под угрозу само существование государства.

■ Стратегии национальной безопасности: расширение понятия и персонификация угрозы

Стратегия национальной безопасности до 2020 года, утверждённая указом президента №537 от 12 мая 2009 г. (Д.А. Медведев), стала первым документом, объединившим военные и невоенные угрозы в единую комплексную рамку. Она ввела понятие «стратегического сдерживания» — «разработки и системной реализации комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора». Документ прогнозировал рост угроз в кибернетической и биологической сферах, указывал на превосходство ряда государств в высокоточных и информационных вооружениях, а внешние приоритеты формулировал языком партнёрства: «Группа восьми/двадцати», формат РИК, зарождавшийся БРИК, стремление к «равноправному... стратегическому партнёрству» с США.

Указ президента В.В. Путина №683 от 31 декабря 2015 г. заменил Стратегию 2009 г. новой редакцией — рубежом снова стал украинский кризис. Принципиальное отличие — прямое указание источника угрозы: «проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить своё доминирование в мировых делах», а реализуемая ими «политика сдерживания России» описывается как оказание политического, экономического, военного и информационного давления. Такая персонификация отсутствовала в редакции 2009 г., где формулировки были обезличенными («рецидивы силовых подходов»). Второе новшество редакции 2015 г. — системное включение информационной безопасности в перечень видов национальной безопасности наравне с государственной, общественной, экологической, экономической, транспортной и энергетической.

Действующая Стратегия национальной безопасности, утверждённая указом президента №400 от 2 июля 2021 г., отменила редакцию 2015 г. и остаётся в силе на август 2026 г. — новых указов о полной замене документа не издавалось. Она формализовала восемь национальных интересов и девять стратегических национальных приоритетов, среди которых — новация 2021 г., не имевшая аналога в прежних редакциях: защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Угроза здесь описана как «размывание традиционных... ценностей и ослабление единства многонационального народа... путём внешней культурной и информационной экспансии». В разделе об оценке угроз документ фиксирует «рост геополитической нестабильности и конфликтности», сопровождающийся «повышением угрозы использования военной силы... в том числе с участием ядерных держав», и прямо констатирует, что «ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником» — формулировка, отражающая предчувствие эскалации ещё до начала специальной военной операции в 2022 г. В разделе «Оборона страны» к угрозам отнесены наращивание военной инфраструктуры НАТО у границ, развитие глобальной ПРО США и «планируемое размещение американских ракет средней и меньшей дальности в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе» — прямая реакция на выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности в 2019 г. Стратегия также указывает на угрозу дезинтеграции в СНГ: «действия некоторых стран направлены на инспирирование... дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с её традиционными союзниками».

■ Информационная безопасность: от эпизода к самостоятельному приоритету

Информационные угрозы прошли путь от отдельного упоминания до самостоятельного направления политики. Стратегия 2009 г. указывала лишь на «зарождающееся глобальное информационное противоборство». Указом президента от 24 июля 2013 г. были утверждены «Основы государственной политики РФ в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» — этот документ впервые обозначил в качестве четвёртой угрозы международной информационной безопасности (помимо военно-

политической, террористической и преступной) вмешательство во внутренние дела суверенного государства посредством ИКТ. Указом президента от 15 января 2013 г. №31с было поручено создание государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (СОПКА). Военная доктрина 2014 г. зафиксировала «тенденцию смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство» — прямую реакцию на роль социальных сетей и блогов в координации протестов на Украине в 2014 г. Новая Доктрина информационной безопасности была утверждена 5 декабря 2016 г. (первая — от 9 сентября 2000 г.) указом президента №646 и по состоянию на август 2026 г. продолжает действовать в этой редакции: на официальном портале правовой информации и на сайте Кремля обновлённого указа не публиковалось, а изменения политики в этой сфере с 2016 г. проводятся через смежные акты — Основы государственной политики в области МИБ (2021 г.) и отраслевые поправки к законодательству о критической информационной инфраструктуре.

На международном треке Россия продвигала идею межгосударственного регулирования информационного пространства: в декабре 2018 г. внесённая Россией резолюция Генассамблеи ООН A/RES/73/27 получила больше голосов, чем альтернативная американская резолюция A/RES/73/266, а с июня 2019 г. в Нью-Йорке начала работу Рабочая группа открытого состава ООН по международной информационной безопасности. Указом президента №213 от 12 апреля 2021 г. были утверждены обновлённые «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности», перечислившие шесть угроз МИБ: использование ИКТ в военно-политических целях против суверенитета государств; в террористических целях; в экстремистских целях и для вмешательства во внутренние дела; в преступных целях; компьютерные атаки на критическую информационную инфраструктуру; технологическое доминирование отдельных государств в глобальном информационном пространстве. Концепция внешней политики 2023 г. (указ №229 от 31 марта 2023 г.) продолжила эту линию, назвав приоритетом противодействие милитаризации глобального информационного пространства и использованию ИКТ во внутренние дела и в военных целях «недружественными государствами» — формулировка, отражающая уже сложившийся к 2023 г. раскол на «дружественные» и «недружественные» государства после начала специальной военной операции в 2022 г.

■ Экономическая и энергетическая безопасность

Экономическая безопасность как направление угроз проверялась на практике неоднократно: падением цен на нефть в 2008, 2014 и 2020 гг., санкциями западных стран с 2014 г. (после присоединения Крыма), угрозой отключения от системы SWIFT, риском заморозки резервов, а также разрывом технологического сотрудничества — в 2020 г. иностранные поставщики отказались от сотрудничества с российским авиастроением. Доктрины энергетической безопасности РФ, утверждённые в 2012 и 2019 гг., в обеих редакциях подчёркивали приверженность России международному

сотрудничеству в энергетике; редакция 2019 г. прямо заявляла, что Россия «поддерживает международные усилия, направленные на противодействие изменению климата, и готова к сотрудничеству в данной области со всеми государствами» — формулировка, показывающая, что даже в санкционный период Россия официально сохраняла риторику климатического сотрудничества, а не изоляционизма.

■ Ответы 2022–2026 годов: между обновлением специальных актов и неизменностью базовых документов

После начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. спектр угроз, которые Россия фиксирует в официальной риторике, пополнился новыми пунктами — без принятия новой полной редакции Стратегии национальной безопасности или Военной доктрины. Расширение НАТО прошло в два этапа: 18 мая 2022 г. Финляндия и Швеция подали заявки на вступление, 5 июля 2022 г. альянс подписал протоколы об их присоединении, 4 апреля 2023 г. официально вступила Финляндия, а Швеция — только 7 марта 2024 г., после того как 31 января 2024 г. турецкий парламент снял блокировавшие её ратификацию возражения (Турция требовала от Стокгольма мер против курдских организаций). 18 декабря 2023 г. США и Финляндия подписали соглашение об обороне, открывающее американским войскам доступ к 15 военным объектам на финской территории. Присоединение удлинило границу России с НАТО почти на 1300 км и создало риск блокировки Финского залива и окружения Калининградской области силами альянса. В ответ указом президента от 26 февраля 2024 г. были воссозданы Ленинградский военный округ (Карелия, Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, Санкт-Петербург, Ненецкий АО) и Московский военный округ — оба выделены из Западного военного округа, существовавшего с 2010 г. Осенью 2025 г. в финском Миккели заработал штаб командования сухопутными войсками НАТО в Северной Европе.

Указ №991 от 19 ноября 2024 г. заменил указ №355 от 2020 г. и стал прямым ответом на решение западных стран разрешить Украине применять по территории России дальнобойные ракетные системы: число условий перехода к применению ядерного оружия выросло с четырёх до пяти, а ядерная защита впервые прямо распространена на Белоруссию как участника Союзного государства — агрессия обычным оружием, создающая критическую угрозу суверенитету или территориальной целостности России и (или) Белоруссии, теперь названа основанием для применения ядерного оружия. Расширен и перечень военных опасностей, нейтрализующихся сдерживанием: включены массированный пуск средств воздушно-космического нападения и развитие ударных беспилотных летательных аппаратов — продолжение логики доктрины 2014 г. на новом витке технологий. Часть российских экспертов, включая А.Г. Арбатова, оценивает поправки 2024 г. как уточнение уже существовавших концепций, тогда как другие, включая председателя совета ПИР-Центра Е.П. Бужинского, называют изменение сигналом о значительном снижении порога применения ядерного оружия; аналитический разбор ПИР-Центра 2025 г.

формулирует итог осторожнее — порог снижен «по крайней мере на декларативном уровне», поскольку основанием для удара впервые названа не угроза существованию государства, а критическая угроза суверенитету или территориальной целостности. Западные аналитики (Carnegie, National Institute for Public Policy) в основном согласны с тезисом о снижении порога, тогда как разбор Stimson Center 2025 г. называет практические последствия для американской ядерной политики ограниченными. Единой оценки степени снижения на август 2026 г. нет — оценки сторон не следует принимать за установленный факт.

■ Итоги и значение

Ответ России на меняющийся спектр угроз национальной безопасности в XXI веке строится не на частой замене базовых документов, а на устойчивом принципе стратегического сдерживания — сочетании политических, дипломатических, военных, экономических и информационных мер, закреплённом ещё Стратегией 2009 г. и остающемся структурной основой всех последующих редакций. Показательно, что рамочные документы — Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина — обновляются реже, чем специализированные акты: Доктрина информационной безопасности, «Основы» международной информационной безопасности и, что особенно заметно, «ядерные» указы 2020 и 2024 гг. Это отражает практику, при которой базовый документ задаёт общие принципы на годы вперёд, а детальные условия применения силы и приоритеты по конкретным направлениям фиксируются отдельно и обновляются в ответ на конкретные события: киберугрозы 2013 г., конфликт на Украине 2014 г., поставки дальнобойного оружия Украине в 2024 г. Слухи о «Военной доктрине 2023 года» не подтверждаются: на её месте в реальности стоят Концепция внешней политики 2023 г. и обновлённые Основы ядерного сдерживания 2024 г. — оба документа продолжают ту же логику, что и вся эволюция документов с 2000 г.: расширение условий и перечня угроз следует за конкретным изменением военно-политической обстановки, а не предшествует ему.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «История международных отношений и внешней политики России: вступительный экзамен в аспирантуру» — 66 вопросов перечня кафедры международных отношений и внешней политики России (МОиВП) для испытания «вступительное испытание в аспирантуру» в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.